

Л. М. Ившин (*Ижевск*)

**Памятники удмуртской письменности
в трудах Т. И. Тепляшиной**

9 марта 2004 г. отметила свой 80-летний юбилей известный лингвист-удмуртовед, кандидат филологических наук, автор более чем 100 научных работ Тамара Ивановна Тепляшина.

После войны Т. И. Тепляшина закончила факультет восточных языков Ленинградского государственного университета. В 1950–1953 гг. она работала в Удмуртском научно-исследовательском институте (ныне

Удмуртский ин-т ИЯЛ УрО РАН), после чего осенью 1953 г. поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР. Защитив кандидатскую диссертацию на тему “Тыловый диалект удмуртского языка”, первую, посвященную монографическому описанию удмуртских диалектов в удмуртском языкознании, Т. И. Тепляшина до выхода на пенсию работала в секторе финно-угорских языков этого института (Москва) в должности старшего научного сотрудника.

В работах Т. И. Тепляшиной рассматриваются многие проблемы удмуртского языкознания: вопросы диалектологии, фонетики, ономастики. Она является одним из зачинателей теоретического и монографического описания удмуртских диалектов. Составив и опубликовав программу-вопросник по собиранию диалектного материала по удмуртскому языку [Тепляшина 1966], она изучила и описала фонетические, морфологические и лексические особенности тыловый, глазовского (в соавторстве с В. И. Лыткиным), нижнечепецкого, шошминского диалектов, приижского говора, бесермянского наречия и опубликовала множество статей и монографию [Тепляшина 1970а]. Значительное место в исследованиях Т. И. Тепляшиной занимает изучение топонимов, вопросов возникновения и развития имен, фамилий и прозвищ пермских народов [Тепляшина 1978].

Неоценимый вклад внесла юбиляр в изучение древних письменных памятников удмуртского языка, чему и будет посвящена основная часть нашей статьи.

В различных областных и столичных библиотеках бывшего СССР и архивах Академии наук, Географического общества и других ею обнаружены множество малоизвестных или ранее совершенно не известных для научных кругов рукописных и опубликованных письменных памятников по удмуртскому языку, относящихся, в основном, к XVIII столетию.

В нашем сообщении работы Т. И. Тепляшиной, посвященные изучению и анализу памятников удмуртской письменности, будут рассматриваться по хронологии их написания.

1. В небольшой статье “О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка” [Тепляшина 1965а] автор сообщает, что в процессе работы по поискам памятников удмуртской письменности, ею обнаружен пятиязычный словарь под названием “Свод некоторых слов русских, пермяцких (т. е. коми-пермяцких – Л. И.), зырянских, вотяцких и чувашских”, составленный в 1835 г.¹ В данной работе ученый дает в нескольких строчках лишь незначительные сведения общего характера об уд-

¹ По последним сведениям “Свод...” составлен в 1833 г.

муртском материале памятника. Во время работы в Национальном Архиве Республики Татарстан в августе 2003 г. нами была сделана ксерокопия этого словаря и передана в научно-отраслевой архив Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН (ф. РФ, оп. 2-Н, д. 1392).

2. Собрав воедино и проведя всесторонний лингвистический анализ 10 письменных памятников разного объема и характера (списков слов, словариков, словарей и грамматик удмуртского языка), в 1965 г. в Москве Т. И. Тепляшина опубликовала книгу под названием "Памятники удмуртской письменности XVIII века". Большинство из памятников перепечатаны из различных опубликованных трудов XVIII столетия, в настоящее время ставших библиографической редкостью наших архивов и библиотек. Часть приведенного в данном сборнике лексического материала в свое время была собрана учеными-путешественниками Ф. И. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, И. Э. Фишером, П. С. Палласом, которые при Петре I и Екатерине II были направлены к народам Поволжья, Сибири и Дальнего Востока для исследования их природных богатств, истории, этнографии, а также языка. В свою книгу автор включила также первую грамматику удмуртского языка [Сочинения 1775], рукописную грамматику Михаила Могилына², составленную в 1786 г., перевод молитвы "Отче наш" и два переводных удмуртских стихотворения. Ценность рассматриваемой книги заключается в том, что памятникам дана довольно полная и всесторонняя характеристика: сведения об объеме, месте хранения, дате создания; на основе исследования графических, фонетических, морфологических и лексических особенностей каждого памятника определена принадлежность их к тому или иному наречию (диалекту) удмуртского языка.

Во введении автор определяет цели и задачи своего исследования, приводит данные из истории изучения удмуртского языка. Т. И. Тепляшиной дается общая характеристика работ по удмуртскому языкознанию со времени возникновения письменности до 60-х гг. XX в. Далее идут сами списки слов, словари и грамматики. На каждом памятнике письменности мы особо останавливаться не будем, лишь в общем рассмотрим представленный материал и принципы его анализа. Очень важное значение имеет то, что тексты памятников составитель снабдила обширными и квалифицированными объяснениями с привлечением данных современных диалектов удмуртского и близкородственного коми языков. Это облегчает чтение текстов и делает их доступными для широкого круга читателей. Проведя сравнительно-исторический анализ лек-

² В 1998 г. грамматика издана Удмуртским ин-том ИЯЛ УрО РАН.

сического материала памятников, Т. И. Тепляшина в отдельных случаях установила первоначальный фонетический облик некоторых слов и проследила постепенную эволюцию их в ходе исторического развития. Например, "... переход от *кыкъямысь* к *тямыс*: *кыкъямысь* > *къямысь* > *тямыс*" (цит. по: [Тараканов 1998: 452]). Сделав сравнительный лексический анализ, автор обнаружила в словарном составе удмуртского языка слова, которые не были известны литературному языку, например, в словаре П. С. Палласа: *чурай* 'лицо', *давуль* 'холм', *вудокыль* 'буря' [Тепляшина 1965б: 82, 93, 90] и др., что говорит о том, что за два с лишним века словарный состав удмуртского языка претерпел существенные изменения. Одни лексемы устарели и более не употребляются, а другие характерны только для отдельных диалектов удмуртского языка: *кыйкай* 'дичь', сев. *кыйкай* 'тж' [Борисов 1991: 157]; *сараци* 'сени', сред. *сарача* 'сени, крыльцо' [Там же: 250] и т. д.

В конце книги даны условные сокращения и список удмуртских слов, встречающихся в памятниках, с указанием страницы или страниц, что делает это издание очень удобным для использования.

Наряду с несомненными достоинствами книги есть некоторые недостатки, которые сводятся к следующему: 1) в первой грамматике удмуртского языка зафиксированы явления, характерные не только для южных диалектов, но и для североудмуртских; 2) в грамматике М. Могилына не выявлены многие фонетические явления, характерные для северного наречия удмуртского языка, например, дистантная прогрессивная ассимиляция по огубленности типа *пуну* 'собака', *шуку* 'пузырь, пена' и др. [Тепляшина 1965б: 270, 273].

3. В статье "Рукописный удмуртско-коми-пермяцкий словарь начала XIX века" Т. И. Тепляшина дает краткую историю выявления рукописного наследия на коми-пермяцком языке, анализирует графические и лексические особенности обнаруженного ею в рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина удмуртско-коми-пермяцкого словаря под названием "Vocabulaire de la Langue Wotjake et Permienne". По словам юбиляра, рукопись состоит из 7 заполненных по обе стороны тетрадных листов. Весь лексический материал расположен в три колонки, вторая из которых представляет собой перевод около 360 русских слов на удмуртский язык. Причем, удмуртские слова написаны одним лицом, а коми-пермяцкие (третья колонка) – другим. Письменную передачу звуков удмуртского и коми-пермяцкого языков Т. И. Тепляшина рассматривает параллельно, "поскольку звуковая система этих языков полностью совпадает" (цит. по: [Тепляшина 1969: 204]). Проведя лексический анализ словаря, автор приходит к выводу,

что удмуртские лексические материалы принадлежат северным говорам, а коми-пермяцкие слова представлены л-овым диалектом. Также Т. И. Тепляшина уделяет особое внимание на такой факт, как случаи смешения звуков *б* и *в* при написании удмуртских слов, что, по ее мнению, является особенностью произношения бесермян.

4. В следующей работе “Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова” автор делает подробный графический, фонетический и лексический анализ рукописного словаря З. Кротова³, относящегося к 1785 г. и содержащего самый большой по объему лексический материал (около 5000 слов и выражений), по сравнению с остальными известными сохранившимися памятниками удмуртской письменности XVIII столетия. Проанализировав данный письменный памятник, автор приходит к выводу, что он составлен на базе северных говоров удмуртского языка, хотя она находит явления, характерные также для других ареалов проживания удмуртов (южных и бесермянских). В разделе “О графике словаря” Т. И. Тепляшиной ошибочно или не совсем точно указывается применение латинской буквы *i*: “для подчеркивания предшествующего согласного” (цит. по: [Тепляшина 1971а: 130]), тогда как последняя использована для обозначения инлаутного сочетания *-ий-* перед гласными (см. подробнее: [Ившин 1999: 142; Кельмаков 1999: 21]). Важность рассматриваемого исследования состоит в том, что в конце статьи автор дает подробное объяснение 86 неизвестным или малоизвестным в современном удмуртском литературном языке словам и выражениям, встречающимся в словаре, например, таким как *казь* ‘охотничья сеть; тенета’, *кысь толызь* ‘апрель месяц’ и др. Т. И. Тепляшина, обнаружив и впервые достаточно объемно и информативно описав этот уникальный лексикографический труд, сделала огромный вклад в удмуртское и пермское языкознание.

5. В небольшой статье “Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова” [Тепляшина 1973] Т. И. Тепляшина продолжает анализ удмуртско-русского словаря Захарии Кротова и обращает внимание на то, какие севернoudмуртские морфологические явления получили отражение в исследуемом ею памятнике. В частности, ученый находит такие, как: 1) употребление форм первого и второго лица глаголов первого спряжения в настоящем времени с суффиксом *-ск-*, *-к-*, *-цк-* вместо литературного *-иськ-* (*-йськ-*) в словах, основа которых оканчивается на один согласный: *тодцко*, лит. *тодйсько* ‘ведаю, знаю’; *витско*, лит. *витисько* ‘дожидаюсь’; 2) употребление деепричастия с суффиксом *-йож* (лит. *-тозь*): *виытчоож* [*виычйчоож* (вернее – *виычйчоож* – И. Л.)], ‘смертель-

³ В 1995 г. словарь издан Удмуртским ин-том ИЯЛ УрО РАН.

ный', лит. *выытозь* 'до умерщвления, до смерти' [Тепляшина 1973: 225, 226]. Также автор верно замечает широкое употребление суффикса *-ни*, обозначающего место действия, например, *шудоньни* [*шудон'н'и*] 'игрище', лит. *шудон инты* 'место (для) игр' и др.

6. Материалы письменных памятников удмуртского языка использовались Т. И. Тепляшиной и при написании других работ. В частности, в статьях "Древние бесермянские фамилии" [Тепляшина 1970б], "О бесермянских фамилиях" [Тепляшина 1971б] автор в качестве источников приводит материалы древних письменных документов по переписи населения Вятской земли 1615, 1646, 1662 и 1678 гг. и Дозорной книге Каринского стана Хлыновского уезда 1615 г. Ею описывается графика и фонетика этих памятников, отмечаются непоследовательность в системе передачи бесермянских (удмуртских) звуков и различные варианты написания личных имен. В книге "Язык бесермян" автор приводит некоторые лексические формы из рукописной грамматики М. Могилына, которые в настоящее время встречаются в бесермянской среде. Также автором дается описание графических, фонетических и некоторых лексических особенностей обнаруженной ею в историческом отделе Кировского областного архива рукописи сравнительного (пермячко-удмуртско-бесермянско-русского) словаря, "единственного известного ей памятника бесермянской письменности" (цит. по: [Тепляшина 1970а: 55]), составленного статистиком Вятского края конца XIX в. П. М. Сорокиным, в котором содержится свыше 1000 лексем [Там же: 50-55]. В монографии "Антропонимические модели пермских языков" [Тепляшина 1978] Т. И. Тепляшина в качестве источников для изучения личных имен пермских народов (в том числе удмуртов) также использует документы по переписи населения Вятской земли с 1615 по 1678 гг.

Т. И. Тепляшина внесла неоценимый вклад в удмуртское языкознание. Материалы многих письменных памятников (более десятка) по удмуртскому языку, ранее малоизвестных или совсем неизвестных, она сделала достоянием широкого круга ученых-лингвистов. Труды юбиляра по письменным памятникам удмуртского языка послужили и послужат в дальнейшем справочником и весьма ценным пособием для исследователей истории удмуртского, а также других финно-угорских языков. Необходимо отметить и то, что в процессе работы над удмуртскими материалами Т. И. Тепляшина обращала внимание и на письменные памятники (документы) некоторых других языков, в частности, коми-пермяцкого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисов Т. К. Удмурт кыллокам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. XXII + 374 с.

Ившин Л. М. Графические особенности удмуртско-русского словаря Захария Кротова // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. С. 140–145.

Кельмаков В. К. Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы по спецкурсу / Удм. гос. ун-т. Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 1999. 59 с.

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикѢ вотскаго языка. Въ СанктпѣтербургѢ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР: Введение и примечания В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1975. 15 + 113 + 17 с.]

Тараканов И. В. [Рецензия] Т. И. Тепляшина. Памятники удмуртской письменности XVIII века // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. ст.: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 451–454.

Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // СФУ. 1965а. № 1 (I). С. 60–61.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. В. И. Лыткин. М., 1965б. Вып. 1. 324 с.

Тепляшина Т. И. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1966. 96 с.

Тепляшина Т. И. Рукописный удмуртско-коми-пермяцко-русский словарь начала XIX века // Вопросы языкознания. Пермь, 1969. (Учен. записки ПГПИ: Т. 66). С. 202–210.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970а. 288 с.

Тепляшина Т. И. Древние бесермянские фамилии // Вопросы тюркологии. Отв. ред. М. З. Закиев. Казань, 1970б. С. 124–133.

Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // СФУ. 1971а. № 2 (VII). С. 129–139.

Тепляшина Т. И. О бесермянских фамилиях // Структура и история тюркских языков. АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1971б. С. 187–197.

Тепляшина Т. И. Морфологические диалектизмы в словаре З. Кротова // Вопросы удмуртского языкознания // Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1973. Вып. 2: Сб. ст. и материалов. С. 224–226.

Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн.; Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 138 с.